

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Александра Олайва

Последняя

Москва
2016

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(4Coe)-44
О-53

Alexandra Oliva
THE LAST ONE

Copyright © 2016 by Alexandra Oliva.
This edition is published by arrangement with The Friedrich Agency and
The Van Lear Agency.

Оформление серии А. Саукова

Олайва, Александра.

О-53 Последняя / Александра Олайва ; [пер. с англ. Т. Л. Черезовой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (DETECTED. Тайна, покори́вшая мир).

ISBN 978-5-699-89873-2

Съемки реалити-шоу о выживании в условиях дикой природы затянулись. Последняя из участниц уже плохо помнит, как долго она бредет по безлюдной местности и когда в последний раз видела камеры, операторов или ведущего. Зато на декорации организаторы не поскупились: специально для нее на пути возвели целые пустые города, по которым живописно разложили бутафорские трупы жителей. Она не уверена, куда идет и когда кончатся съемки. Но в одном сомнений нет: она не сдастся. Даже когда поймет, что трупы людей настоящие, а мертвые города больше никогда не заполнятся людьми — потому что она последняя, кто остался в живых...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(4Coe)-44

ISBN 978-5-699-89873-2

© Черезова Т.Л., перевод
на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

О

Первым в съемочной группе умрет режиссер монтажа. Пока он не чувствует себя больным, и он больше не работает на натуре. Он побывал там всего раз, до начала съемок, чтобы посмотреть на лес и пожать руки операторам, чьи отснятые материалы он будет использовать: бессимптомное заражение. Он вернулся уже неделю назад и сейчас сидит один в монтажной, чувствуя себя прекрасно. На его футболке надпись: «Кофе внутрь — гений наружу». Он нажимает кнопку, и на большом экране над его пультом начинают мелькать картинки.

Титры: врезки для текста, но без текста. Сначала появляются листья, дуб и клен, и сразу же сменяются изображением женщины, которая в заявке описала цвет своей кожи как «мокко» — и была права. У нее темные глаза и пышная грудь, скромно спрятанная под оранжевой толстовкой. Ее волосы — множество черных завитков, и каждый безупречно уложен.

Далее — панорамный вид гор: гордость северо-востока страны, зеленые и полные жизни в разгар лета. Потом — кролик, готовый броситься наутек, и белый мужчина с коротко стриженными волосами, которые поблескивают на солнце слюдой: он идет по полю, прихрамывая. Крупный план того же мужчины, сурового и молодого, с зоркими голубыми глазами. За ними — опустившаяся на колено миниатюрная женщина, вероятно, корейского

происхождения, в синей ковбойке. Она держит нож и смотрит в землю. У нее за спиной высокий лысый мужчина с темной кожей и недельной щетиной. Изображение увеличивается. Женщина снимает шкуру с кролика. За этим — новая картинка: мужчина с темной кожей, но на сей раз без щетины. Его темно-карие глаза смотрят в объектив спокойно и уверенно, этот взгляд говорит: «Я намерен победить».

Река. Серый скальный обрыв с пятнами лишайника — и еще один белый мужчина, на этот раз — с буйной рыжей шевелюрой. Он цепляется за скалу — и фокус съемки рассчитан так, что удерживающая его веревка сливается с камнем, словно розоватый натек.

Следующая картинка — светлокожая и светловолосая женщина: ее зеленые глаза блестят за очками в квадратной коричневой оправе. Режиссер останавливается на этом изображении. Ему что-то понравилось в ее улыбке и в том, как она смотрит чуть в сторону от объектива камеры. Она кажется естественней других. Может, она просто лучше умеет притворяться, но ему и это нравится. Она ему нравится, потому что он тоже умеет притворяться — и она похожа на его жену. Съемки идут уже десять дней — и он болеет именно за эту женщину. Блондинка, которая любит животных. Любознательная. Все быстро схватывает и любит посмеяться. Столько положительных моментов, которые стоит выбрать, вот только выбирает не он один.

Дверь студии открывается и заходит высокий белый мужчина — стремительно. Режиссер монтажа напряженно застывает в своем кресле: ведущий телережиссер подошел и перегнулся через его плечо.

— Где у тебя сейчас Зверинец? — интересуется телережиссер.

— После Следопыта, — отвечает тот. — Перед Ковбоем.

Телережиссер задумчиво кивает и отступает на шаг. На нем отглаженная голубая рубашка, желтый галстук в горошек и джинсы. Кожа у специалиста по монтажу такая же светлая, как у телережиссера, но на солнце сильно смуглеет. Корни у него самые разные. В детстве он никогда не знал, что отмечать в графе «этническая принадлежность». При последней переписи он выбрал «белый», признавая, что никогда не испытал подлинной дискриминации.

— А как насчет Пилота? Ты добавил закладку? — спрашивает телережиссер.

Режиссер монтажа разворачивает свое кресло. Его темные волосы в подсветке экрана мерцают неровным нимбом.

— Ты это серьезно? — спрашивает он.

— Совершенно серьезно, — подтверждает телережиссер. — А кто у тебя последним?

— Красавчик, но...

— Он уже вылетел, так что им завершать нельзя.

Режиссер монтажа и собирался сказать, что он был первым, так что это не сработает. Он наслаждался подготовкой премьеры — настолько сильно, что отложил подготовку титров на последний момент. Впереди у него долгий день. Он раздраженно поворачивается к экрану.

— Я думал, либо Банкир, либо Черный Доктор, — говорит он.

— Банкир, — говорит телережиссер. — Для контраста лучше поставить Черного Доктора пораньше. — Чуть помолчав, он спрашивает: — Вчерашние материалы видел?

— Нет еще.

Режиссер хохочет. В свете монитора его ровные зубы кажутся желтыми.

— Это улет, — говорит он. — Официантка, Зверинец и... э-э... — он прищелкивает пальцами, пытаясь припомнить, — и Ковбой, — заключает он. — Они не успевают вовремя, у Официантки крыша едет при виде... — он изо-

бражает пальцами кавычки, — тела. Она рыдает и задыхается... На самом деле даже чересчур, но когда смонтируем, будет нормально. И Зверинец срывается.

Режиссер монтажа нервно ерзает в кресле.

— Срывается? — переспрашивает он. — Она ушла?

От разочарования у него багровеют щеки. Он предвкушал, как будет монтировать ее победу — или, что вероятнее, ее красивое поражение в финале. Потому что он сомневается, что ей удастся обойти Следопыта. Пилоту мешает вывихнутая нога, а вот Следопыт настолько уверенный, знающий и сильный, что, похоже, не может не стать победителем. Однако телережиссеру положено представлять победу Следопыта не слишком неизбежной — и он планировал сделать Зверинца главным средством в достижении этого эффекта. Ему нравится монтировать их параллельно, создавая художественный контраст.

— Нет, не ушла, — отвечает телережиссер и хлопает своего собеседника по плечу. — Но она ведет себя гадко.

— Гадко?

Режиссер монтажа смотрит на милое лицо Зверинца, на доброту в ее зеленых глазах. Ему такой поворот событий не нравится. Он не укладывается в образ.

— Ага. Орет на Официантку: говорит, что проиграли из-за нее. И все такое. Просто сказка! Конечно, через минуту она извинилась, ну и что? Сам увидишь.

Режиссер монтажа думает о том, что даже лучшие могут сорваться. В конце концов шоу именно на это и направлено: на то, чтобы заставлять конкурсантов сломаться. Хотя тем двенадцати, которые вышли на ринг, сказано, что речь пойдет о выживании. Что это соревнование. Все это правда, но... Даже название, которое им озвучили, было обманом. В их контрактах мелким шрифтом было оговорено, что оно может изменяться. Когда режиссер монтажа поместит название в титры, там будет написано не «Лес», а «В потемках».

— Короче, студия решила начать показ сегодня, — говорит телережиссер.

— Знаю, — отвечает его собеседник.

— Круто. Просто проверяю. — Телережиссер складывает из пальцев пистолет, делает выстрел в режиссера монтажа и поворачивается, чтобы уйти. Приостановившись, он кивает в сторону монитора. Экран померк в режиме экономии энергии, но лицо Зверинца видно, хоть и блекло. — Ты только посмотри на нее: улыбается, — говорит он. — Бедняжка не подозревает, что ее ждет.

Его смех выражает одновременно жалость и злорадство. Он скрывается в коридоре.

Режиссер монтажа поворачивается к компьютеру. Дернув мышкой, он высвечивает улыбающееся лицо Зверинца и снова принимается за работу. К тому моменту, когда он закончит титры, на него уже навалится апатия. Кашлять он начнет, заканчивая первый выпуск ближе к ночи. К следующему вечеру он уже станет цифрой в ранней статистике, сигнальным случаем перед взрывом. Специалисты будут пытаться разобраться, но не успеют. Что бы это ни было, оно медлит перед ударом. Просто попутчик — а потом вдруг оказывается за рулем и несется к пропасти. Многие специалисты уже заразились.

Режиссер монтажа умрет через три дня. Когда это случится, он будет один в своем доме площадью 380 квадратных метров, слабый и забытый. В последние секунды жизни он машинально будет слизывать кровь, текущую у него из носа, потому что язык у него мучительно пересохнет. К этому моменту первый выпуск уже покажут — как чудесное развлечение на фоне экстренных новостей. Однако съемки все еще идут — как раз в том регионе, который пострадает раньше и сильнее других. Съемочная группа попытается всех вывезти, но участники проходят одиночные испытания и разбросаны на большой площади. Планы на случай непредвиденных происшествий были составлены — но на такое никто не рассчитывал.

Это похоже на детскую игрушку для рисования спиралей: ручка двигается по бумаге, направляемая пластиковым шаблоном. Узор, но потом что-то смещается — и хаос. Некомпетентность и неразбериха соединяются воедино. Добрые намерения уступают место инстинкту самосохранения. Никто толком не знает, что случилось: мелочь или нечто масштабное. Никто определенно не может сказать, что именно не так. Однако перед смертью режиссер монтажа успеет понять хотя бы это: он поймет, что что-то не так.

1

Растрескавшаяся дверь магазинчика криво висит в проеме. Я настороженно переступаю через порог, зная, что не первая ищу здесь пропитание. У самого входа перевернутая картонка из-под яиц. Вонючие внутренности десятка несчастных Шалтаев-Болтаев засохли на полу: срок их собирания давно миновал. В целом магазинчику повезло не больше, чем яйцам. Полки по большей части пусты, несколько стеллажей опрокинуты. Я замечаю у потолка в углу камеру, но не смотрю в объектив. Когда я захожу, меня накрывает волна вони. Я ощущаю запах гнилых овощей, прокисших молочных продуктов в открытых отключенных холодильниках. Я ощущаю и еще один запах, но изо всех сил стараюсь не обращать на него внимания и начинаю поиски.

Около одного из проходов на полу рассыпан пакет чипсов. Чья-то нога превратила большую их часть в крошки. По-моему, это были сапоги. Значит, это был кто-то из мужчин. Не Купер: на нем странная обувь, где все пальцы разделены. Может, Хулио. Он носит сапоги. Я пригибаюсь и поднимаю кусочек. Если чипсы свежие, я буду знать, что он был здесь недавно. Я крошу кусок пальцами. Он заветренный, и это ни о чем мне не говорит.

Я думаю, не съесть ли мне этот кусочек. Я не ела с того домика, еще до болезни, а это было очень давно. Может, неделю назад: не знаю. Я такая голодная, что больше не замечаю этого. Я такая голодная, что ноги меня плохо слушаются. Я все время неожиданно спотыкаюсь о камни и корни, которые прекрасно вижу. Я их вижу и пытаюсь через них перешагнуть. Мне кажется, что я через них перешагиваю, но тут носок ботинка цепляется — и я спотыкаюсь.

Я вспоминаю про камеру, думаю о том, что муж увидит, как я подбираю чипсы с пола в магазине. Дело того не стоит. Мне наверняка оставили что-то еще. Я бросаю кусок и с усилием выпрямляюсь. От этого у меня начинает кружиться голова. Я замираю, дожидаясь, пока равновесие восстановится, а потом иду к отделу овощей и фруктов. Десятки сгнивших бананов и сдувшиеся коричневые шары, которые, наверное, были яблоками, смотрят, как я иду мимо. Теперь я знаю, что такое голод, и злюсь, что ради создания нужной атмосферы столько разных продуктов испорчено.

Наконец под нижней полкой что-то блестит. Я встаю на четвереньки. Висящий у меня на шее компас падает и стучается об пол. Я заправляю компас под рубашку и при этом замечаю, что капелька голубой краски на нижнем крае почти совсем стерлась. Я настолько устала, что мне приходится напомнить себе: это ничего не значит, просто ассистент, которому поручили разметку, получил дешевую краску. Я наклоняюсь еще сильнее и обнаруживаю под полкой банку арахисового масла. Небольшая трещинка выходит из-под крышки и исчезает под этикеткой как раз над буквой «Э» в слове «экологически»... Я провожу пальцем по следу на стекле, но разлома не ощущаю. Ну, конечно: мне оставили арахисовое масло! Терпеть не могу арахисовое масло. Я прячу банку себе в рюкзак.

Высокие витрины с охлаждением пусты, за исключением нескольких банок пива, которые я не беру. Я наде-

ялась на воду. Одна из моих фляг пустая, а во второй плещется всего четверть. Может, кто-то из остальных попал сюда раньше меня: они не забыли, что надо всегда кипятить воду, и не потратили несколько дней в лесу, страдая от рвоты в одиночестве. Кто бы ни оставил тот след — Хулио, Эллиот или тот молоденький заучка-азиат, чье имя я забыла, — они забрали все ценные вещи. А последняя получает это: треснувшую банку с арахисовым маслом.

В магазинчике я не осмотрела только одно место — за кассой. Я знаю, что меня там ожидает. Тот запах, который я якобы не чувствую: тухлое мясо и экскременты животного, душок формальдегида. Тот запах, который по их замыслу я приму за смерть человека.

Прикрываю нос рубашкой и подхожу к кассе. Бутафория находится именно там, где и ожидалось: лицом вверх за прилавком. Этот манекен одели в байковую рубашку и брезентовые брюки. Продолжая дышать сквозь ткань, я захожу за прилавок, переступая через манекен. Мои движения спугивают тучу мух, которые с жужжанием налетают на меня. Я ощущаю их лапки, их крылья, усики, касающиеся моей кожи. Сердце у меня колотится, дыхание учащается, так что нижний край очков запотеваает.

Просто очередное испытание. Вот и все.

На полу я вижу упаковку «студенческой смеси». Я хватаю ее и пчусь назад, сквозь тучу мух, перешагиваю через манекен. Выбираюсь за расколотую и перекошенную дверь, которая насмешливо аплодирует моему уходу.

— Чтоб вас, — шепчу я, стоя на четвереньках, зажмурившись.

Это вырежут... ну и пусть: ругаться правилами не запрещается.

Я ощущаю ветер, но не чувствую лесного запаха. Единственный запах — это бутафорская вонь. В первый раз запах был не таким мерзким, но тогда он был све-

жим. Этот, как и тот, которого я обнаружила в домике, — они должны восприниматься как более давние. Я резко высмаркиваюсь под ветром, но знаю — этот запах будет меня преследовать несколько часов. Я не смогу поесть, пока он не исчезнет, как бы мой организм ни нуждался в калориях. Мне надо идти, убраться подальше отсюда. Найти воду. Я говорю себе об этом, но от меня не отстает другая мысль — тот домик и их второй манекен. Кукла, замотанная в голубое. То первое одиночное испытание превратилось в клейкое воспоминание, которое постоянно пятнает мои мысли.

«Не думай об этом», — велю я себе, но этот приказ бесполезен. Еще несколько минут ветер доносит до меня плач той куклы. А потом — хватит. Я распрямляюсь и убираю пакет со студенческой смесью в свой черный рюкзак. Забрасываю рюкзак за спину и протираю очки подолом флиски, которую я поддела под куртку.

А потом я делаю то, что делала почти все дни после исчезновения Валлаби¹: иду и высматриваю подсказки. Валлаби — это потому, что операторы отказались называть нам свои имена, а его вид по утрам заставлял меня вспомнить мой давний турпоход по Австралии. На второй день я проснулась в национальном парке у залива Джервис — и обнаружила, что в траве сидит серо-коричневый болотный валлаби и смотрит на меня. Нас разделяло всего несколько шагов. Я спала в контактных линзах и глаза у меня чесались, но я смогла ясно рассмотреть полосу светлой шерстки у него на щеке. Он был чудесный. Взгляд, который я получила в ответ на мое восхищение, был оценивающим и строгим, но при этом совершенно бесстрастным — совсем как объектив камеры.

Такая аналогия, конечно, неточна. Человек-Валлаби отнюдь не такой красавчик, как тот сумчатый — и он не ускорит прочь, если турист, спавший рядом, вдруг очнет-

¹ В а л л а б и — некрупные сумчатые млекопитающие семейства кенгуровых. (Здесь и далее прим. перев.)

ся и завопит: «Кенгуру!» Но Валлаби всегда появляется первым и первым наводит на мое лицо камеру, не поздоровавшись. Надежный, как восход солнца — до третьего дня этого одиночного испытания, когда солнце встало без него, прошло по небу без него, село без него... и я подумала: «Давно пора». В контракте говорилось, что мы подолгу будем одни, с дистанционным и скрытым наблюдением. Я была к этому готова, с нетерпением этого ожидала: чтобы за мной следили и меня судили тактично, а не в открытую. Сейчас я была бы счастлива услышать, как Валлаби ломится через лес. Я так устала быть одна!

Летний вечер подходит к концу. Звуки окружают меня слоями: шарканье моих ног, стук дятла, шелест листьев, которые дразнит ветерок. Время от времени вступает еще одна птичка — песенка у нее очень милая: «Чик-чирик, чирик-чик-чик». Дятел — это просто, а вот эту вторую птичку я не знаю. Я стараюсь забыть о жажде, пытаюсь представить себе, какой птичке может принадлежать такая песенка. По-моему, она крошечная и с яркими перышками. Я рисую себе птичку, которой не существует: меньше моего кулака, с ярко-желтыми крыльями, синими головой и хвостом, а на грудке — узор из тлеющих угольков. Это будет самец, конечно. Самочка будет тускло-коричневой: так у птиц часто бывает.

Угольковая птичка поет в последний раз, уже далеко, а потом ансамбль становится скучнее из-за ее отсутствия. Моя жажда возвращается с новой силой. Я чувствую, как виски у меня сводит от обезвоживания. Я хватаюсь за свою почти пустую фляжку, ощущаю ее легкость и ткань заскорузлой голубой косынки, которой я обмотала петлю на крышке. Я знаю, что мой организм может выдержать несколько дней без воды, но сухость во рту кажется мне нестерпимой. Делаю осторожный глоток, а потом провожу языком по губам, чтобы поймать остатки влаги. Чувствую вкус крови. Поднимаю руку: на большом пальце появляется красное пятно. Увидев его, я замечаю трещи-

ну на обветрившейся нижней губе. Не знаю, как давно она появилась.

Вода сейчас самое главное. По-моему, я иду уже несколько часов. Моя тень стала намного длиннее, чем при выходе из магазина. Я проходила мимо каких-то домов, но магазинов больше не попадалось — и не было ничего с голубой пометкой. Я все еще чувствую запах той бутафории.

При ходьбе я стараюсь наступать своей тенью на колени: это невозможно, но тоже отвлекает. Настолько отвлекает, что я чуть было не прохожу мимо почтового ящика. Он сделан в форме рыбы, а номер дома изображен с помощью разноцветных деревянных чешуек. Рядом с почтовым ящиком — зев подъездной дороги, которая петляет между дубов и редких берез. Я не вижу дома, который должен стоять в конце этой дороги.

Я не хочу туда идти. Я не заходила ни в один дом с тех пор, как несколько голубых воздушных шаров привели меня к домику, который внутри был голубым. Столько голубизны! Сумеречный свет — и плюшевый мишка, такой внимательный.

Я не могу!

Тебе нужна вода. Они не станут повторять один и тот же фокус.

Я сворачиваю на дорогу к невидимому дому. Каждый шаг дается мне с трудом, ноги постоянно спотыкаются. Моя тень оказывается справа, забираясь на древесные стволы и спрыгивая на землю при каждом моем движении: она настолько же ловкая, насколько я сама неуклюжая.

Вскоре я вижу громадный особняк в старинном стиле: он остро нуждается в покраске. Старая краска слезает белесыми лохмотьями. Усталый дом стоит на заросшем газоне. В детстве я обязательно вообразила бы, что в таком обитают привидения. У дома припаркован красный внедорожник, закрывая от меня входную дверь. Я так

долго хожу пешком, что внедорожник кажется чем-то не из этой жизни. Я медленно иду к машине — и, следовательно, к дому. Может быть — есть такой шанс, — что в багажнике оставили ящик воды. Мне не придется заходить в дом. Внедорожник заляпан засохшей грязью: следы пятен утверждают, что когда-то она была жидкой. Пятна похожи на тест Роршаха. Я никаких картинок в них не нахожу.

— Чик-чик-чик, — слышу я. — Чик-чирик.

Моя угольковая птичка вернулась. Я наклоняю голову, пытаюсь определить направление, откуда доносится песня, и при этом замечая еще один звук: тихое журчание текущей воды. Меня охватывает глубочайшее облегчение. Мне не придется заходить внутрь. Почтовый ящик был предназначен для того, чтобы привести меня к ручью. Мне следовало бы самой его услышать, но я так устала и так хочу пить! Мне понадобилась птичка, чтобы переключиться со зрения на слух. Я поворачиваюсь и иду на звук текущей воды. Птичка поет снова, и я одними губами говорю: «Спасибо». Лопнувшая губа болит.

Моя мать сравнила бы эту птичку с ангелом. Она заявила бы, что благую весть ее песни нельзя отвести — игнорируя совпадения, игнорируя логику, игнорируя то, что вода где-то близко и я все равно прошла бы в ту сторону. Я все равно обратила бы внимание на этот звук — рано или поздно.

Идя к ручью, я представляю себе, как моя мать сидит у себя в гостиной, окруженная вонючим табачным дымом, который стал такой же ее частью, как ее двойной подбородок и обожженная ультрафиолетом кожа, похожая на дубленую шкуру. Я представляю себе, как она смотрит шоу, молясь за меня, толкуя каждый мой успех как знак свыше, а каждое разочарование — как урок. Превращая мой жизненный опыт в свой собственный, как делала это всегда.